

378.091.212:305(47+57)“1970/1991”

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ СТУДЕНЧЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

М. И. Воровка

кандидат педагогических наук, доцент,
Мелитопольский государственный педагогический университет
имени Богдана Хмельницкого (г. Мелитополь, Украина)

Гендерный состав студенчества прямо отражает гендерную асимметрию рынка труда и опосредованно – традиционные культурные стереотипы о “женских” и “мужских” профессиях, занятиях, призваниях, возможностях и особенностях. В позднесоветское время эти установки преломлялись через представления о равенстве полов, существующем в СССР, обуславливались особенностями государственной политики в женском вопросе.

Вопреки провозглашенному равноправию в советской высшей школе существовали дискриминационные практики, ограничивающие образовательные и профессиональные возможности женщин и воспроизводящие горизонтальную гендерную асимметрию.

Ключевые слова: гендерный состав, гендерная асимметрия, гендерные стереотипы, позднесоветский период, студенчество.

Введение

По индексу гендерного разрыва в 2016 г. Украина заняла 69 место мире, опустившись за минувшее десятилетие на 21 одну позицию [1, с. 350]. Вот почему приоритетной задачей демократического развития страны и важным направлением деятельности системы образования является формирование эгалитарной гендерной культуры. Следует учитывать, что школа на всех своих уровнях имплицитно транслирует ценности традиционной гендерной культуры, воспроизводя гендерную асимметрию всех сфер жизни общества. Историко-педагогическая рефлексия деятельности высшей школы в названном контексте позволит уточнить факторы и условия формирования гендерной культуры студенчества.

Сущность и содержание гендерной культуры, а также условия и средства ее формирования в современном вузе исследовали Г.В. Вержибок, О.Н. Кикинеджи, Е.Н. Млечко, Н.П. Терзи и др. К историческому опыту гендерного воспитания и образования студенческой молодежи Украины обращались Т.А. Дороница, В.П. Кравец, С.Д. Матюшкова, О.Б. Петренко и пр. Однако воспроизводство гендерной асимметрии в высшей школе как фактора формирования гендерной культуры рассматривалось лишь фрагментарно.

Цель статьи: проанализировать воспроизводство гендерной асимметрии студенчества позднесоветского периода как фактор формирования гендерной культуры.

Основная часть

Сложности становления эгалитарной гендерной культуры в Украине во многом обусловлены контекстом советского этапа истории. В СССР идея социального равенства, охватывающая и отношения между полами, впервые высту-

пила частью государственной идеологии и сознательно реализовалась властью. Коммунистические идеологи сводили равенство полов к их равноправию: женщина получила доступ к образованию любого уровня, вовлекалась в общественное производство, что должно было вывести ее из ограниченного круга семейных проблем, сделать ее экономически независимой, приобщить к общественно-политической жизни. Вкупе с советской политикой охраны материнства и детства это предписывало две официальные гендерные роли женщины – матери и труженицы. Трудности исполнения такой двойной нагрузки учитывались в государственных мерах по улучшению условий труда и быта женщин, предоставлении им относительно более легких и в то же время достаточно оплачиваемых работ. Запрещалось применение труда женщин на производствах, профессиях и работах с тяжелыми и вредными условиями труда, что прямо мотивировалось заботой об их здоровье – прежде всего, репродуктивном. Изменения коснулись и гендерных ролей мужчины – он потерял статус единственного “кормильца” семьи, встретил нового конкурента на профессиональном поприще, но не приобрел новой зоны ответственности. Таким образом, советский подход к равенству прав полов не гарантировал равенства результатов – совмещение производственного труда с материнством и бытом оказывалось слишком высоким барьером на пути профессиональной реализации большинства женщин.

Следует подчеркнуть, что в СССР вследствие образовательной политики, создавшей действительно широкие возможности бесплатного получения высшего образования независимо от пола, прирост кадров с высшим образованием среди женщин шел быстрее, чем среди мужчин. В результате, например, в Украине, по данным 1986 г., женщины представляли 52% кадрового состава рабочих и служащих и 60% специалистов со средним специальным и высшим образованием [2, с. 415–420]. В условиях беспрецедентного вовлечения женщин в общественное производство расточительное использование их трудового потенциала вело к формированию и углублению гендерной асимметрии в сфере занятости.

Горизонтальная асимметрия, связанная с неравномерным распределением полов по профессиональным отраслям, приводила к тому, что советские женщины, не уступающие мужчинам по уровню квалификации и образования, были вытеснены в менее престижные и ниже оплачиваемые сферы деятельности, соответствующие гендерным стереотипам о женских ролях (забота, поддержка, обслуживание). Так, по данным 1986 г., “женскими” оказались сферы культуры, здравоохранения, социального обеспечения, торговли, общественного питания, образования со средними зарплатами от 118,1 руб. (культура) до 155,7 руб. (образование). В “мужских” сферах строительства, транспорта и промышленности зарплаты варьировали от 215,7 руб. (промышленность) до 272,4 руб. (водный транспорт) при средней зарплате по стране в 195,6 руб. [2, с. 416–435].

Вертикальная асимметрия выражалась в неравномерном распределении полов по должностной и властной иерархии, ограниченном доступе женщин к ее высшим ступеням. Хотя советский период отличался значительным уровнем интеграции женщин в руководящие сферы политической, экономической, научной, культурной жизни, с каждой ступенькой вверх по служебной лестнице количество женщин стремительно таяло. Так, по данным 1987 г. женщины составляли 87% директоров начальных, 43% – неполных средних и 39% – полных средних школ [2, с. 465].

Непропорциональная представленность полов в сферах занятости была обусловлена не только особенностями гендерной политики, но и характерным для

традиционной культуры разделением сфер общественного труда на мужской мир политики и государственного управления и на женскую сферу обслуживания. Поэтому она имела характер общих для большинства развитых стран тенденций, которые в СССР из-за высокой занятости женщин весьма существенно влияли на гендерную культуру общества.

Система образования, как часть культуры, формирует, сохраняет и воспроизводит основные ее значения и смыслы, а также обеспечивает социализирующую функцию, которая делает возможным само существование культуры. Как социальная институция система образования выстраивается в соответствии с комплексом норм, традиций, правил поведения и регулирования отношений в обществе [3, с. 166]. Даже при отсутствии явной или намеренной цели в процессе обучения происходит трансляция культурных ценностей, норм, традиций, значений, связанных с полом, которые определяют формирование гендерной культуры обучающихся. В этом случае говорят о скрытом учебном плане, который через организацию учреждения образования, содержание предметов и стиль преподавания, отражающие гендерные стереотипы, поддерживает гендерное неравенство, отдавая преимущество мужскому – доминантному, недооценивая женское и нетипичное [4, с. 73].

Важным элементом скрытого учебного плана высшей школы выступает гендерный состав студенчества, прямо отражающий гендерную асимметрию рынка труда и косвенно – представления традиционной культуры о “женских” и “мужских” профессиях, занятиях, призваниях, возможностях и особенностях. В общественном сознании такие установки преломлялись через представления о равенстве полов, существующем в СССР. Надо подчеркнуть, что в 60–80-е гг. XX в. в стране интенсивно росла доля студенток высшей школы: если в 1960 г. они составляли 43%, то в 1986 г. – уже 56% студенчества [2, с. 556]. На состав последнего проецировались гендерные отношения общества путем прямого или опосредованного, целенаправленного или ненамеренного регулирования.

Наиболее очевидным было горизонтальное расслоение студенчества, воспроизводившее асимметрию рынка труда в распределении полов по типам вузов и по специальностям и имевшее в СССР характер устойчивой тенденции. Вполне ожидаемо наиболее феминизированными стали вузы просвещения, искусства и кинематографии, где женщины составляли 74%, экономики и права – 70%, здравоохранения, физической культуры и спорта – 63% от общего числа студенчества. В наиболее многочисленных промышленных вузах студенток было 44%, в сельскохозяйственных – 37% [2, с. 547, 556].

Вопреки провозглашенному равноправию в советской высшей школе существовали дискриминационные практики, ограничивающие образовательные возможности одного из полов. Так, приказ по медицинскому отбору лиц, поступающих в высшие учебные заведения, содержал наряду с полными и частичными противопоказаниями по болезни и перечень из 25 специальностей, по которым ограничивался набор женщин [5]. Фактически подобных ограничений было гораздо больше, поскольку список запрещенных для женщин вредных и трудных профессий и производств превышал 500 наименований [6]. При отсутствии прямых запретов на обучение специальностям из этого списка, выпускницы вуза сталкивались с невозможностью трудоустройства при распределении, на что указывало партбюро учебно-методического управления по высшему образованию [7, л. 48].

Кроме официальных, существовали и неписанные правила, ограничивающие доступ женщин к некоторым видам профессий и направлений высшего образо-

вания. Так, их не принимали в особо престижные учебные заведения: в МГИМО – на факультет международных отношений, в Московский государственный университет – на отделение международной журналистики, в Военный институт иностранных языков, военные и милицейские училища и вузы [8, с. 126]. Получение специального военного образования советским женщинам было разрешено только в начале 70-х, тогда как прохождение службы в армии на вольных началах – еще в середине 60-х гг. XX в. Мужчины могли получить военное образование и на кафедрах, осуществляющих подготовку офицеров запаса из числа студентов гражданских вузов. Выпускники таких кафедр получали отсрочку от призыва на действительную военную службу, что значительно повышало привлекательность вузов с военными кафедрами для мужчин.

Дискриминационная практика в высшем образовании имела и характер предпочтений для мужчин в конкурсном наборе в высшие учебные заведения. Например, льготы для уволенных в запас военнослужащих распространялись только на освобожденных с действительной службы, то есть на мужчин. Они пользовались преимуществами при приеме на подготовительные отделения, получении общежития и стипендий, в частности – во время набора в педвузы для преодоления феминизации учительских кадров [9, л. 210–211, 226–228].

Организация учебно-воспитательного процесса в высшей школе воспроизводила и вертикальную гендерную асимметрию, что ярко проявилось в деятельности вузовского комсомола. Деятельность этой общественной организации имела яркий идеологический уклон и минимальное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Партия осуществляла управление и руководство системой коммунистического воспитания студентов через отделы науки и учебных заведений при ЦК КПСС, которым подчинялись секретари и отделы студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ, а тем – субъекты системы управления коммунистическим воспитанием вуза (комитет комсомола вуза и факультетов, группировки академических групп, кураторы, студенческое самоуправление и пр.).

Обязательное членство в комсомоле обуславливало формальное равенство полов в составе ВЛКСМ со специфическим советским подходом к политическому участию женщин – их либо нет, либо они присутствуют на вторых ролях. Так, в составе лидеров комсомольских организаций Украины количество женщин среди первых секретарей колебалось от 4,5% в Хмельницкой области, до 28% – в Запорожской, а среди вторых секретарей – от 36,3% в Черкасской области до 62,5% в Николаевской. Увеличение “женской прослойки” среди секретарей комсомольских организаций свыше 30% требовало согласования с отделом комсомола ЛКСМ Украины [10, л. 1–10]. Такой поход закреплял представления о второсортности общественной деятельности женщин, которым отводилась вспомогательная функция. Так, анализируя гендерный состав делегатов республиканского слета студентов-активистов, который состоялся в 1969 г., мы обнаружили, что Харьковская область делегировала 64 женщины из 247 делегатов [11, арк. 122–133], а Ровенская – 11 из 27 и т. д. [12, арк. 49–51].

Школа комсомольского активизма была в СССР хорошей стартовой площадкой профессиональной и общественной карьеры молодого специалиста. Однако при формальном равенстве студентов независимо от пола именно система лидерства и управления, существовавшая в вузовском комсомоле, способствовала вертикальному их расслоению и дискриминации женщин, воспроизводя гендерную асимметрию тоталитарного общества.

Таким образом, через гендерную асимметрию студенчества транслируются следующие установки традиционной культуры: о разделении сфер общественного труда по половому признаку; о престижности сфер деятельности, которые общественным сознанием воспринимаются как “мужские” и включают политику и государственное управление; о непрестижности сфер деятельности, которые маркируются как “женские” и связываются с гендерными стереотипами о женских ролях (забота, поддержка, обслуживание); о второсортности и второстепенности профессиональной и общественной деятельности женщин; о незначительности профессионального вклада женщин, о приоритетности для них частного, личной жизни; о неспособности женщин к принятию решений, к управлению и руководящим функциям и т. д.

Заключение

Гендерный состав студенчества прямо отражает гендерную асимметрию рынка труда и косвенно – традиционные культурные стереотипы о “женских” и “мужских” профессиях, занятиях, призваниях, возможностях и особенностях. В позднесоветское время эти установки преломлялись через представления о равенстве полов, существующем в СССР, обуславливались особенностями государственной политики в женском вопросе.

Вопреки провозглашенному равноправию в советской высшей школе существовали дискриминационные практики, ограничивающие образовательные и профессиональные возможности женщин и воспроизводящие горизонтальную гендерную асимметрию: а) путем прямого ограничения набора женщин на определенные специальности; б) при отсутствии прямых запретов, косвенным ограничением возможностей трудоустройства по полученной специальности для женщин; в) преференциями для мужчин и дискриминацией женщины льготных категорий при поступлении в высшую школу по половому признаку; г) неписаными правилами, ограничивающими доступ женщин к определенным специальностям на основе гендерных стереотипов, присущих традиционной культуре.

Предпосылки вертикального расслоения студенчества в скрытом учебном плане ясно транслировались через деятельность вузовского комсомола, в котором отражалась специфика советского подхода к политическому участию женщин – их нахождение на исполнительских должностях.

Гендерная асимметрия студенчества, потенцирующая гендерный разрыв в карьерных траекториях, доходах, доступе к ресурсам и принятию решений, ограничивающая горизонты самореализации для женщин, является влиятельным фактором формирования гендерной культуры. Достаточно распространенный до сих пор миф о равноправии мужчин и женщин, унаследованный от СССР, препятствует критическому взгляду на реальное состояние гендерных отношений в стране и создает сложности в формировании ценностей эгалитарной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The Global Gender Gap 2016 Report: Insight Report / [Klaus Schwab, Richard Samans, Saadia Zahidi, Till Alexander Leopold, Vesselina Ratcheva, Ricardo Hausmann, Laura D'Andrea Tyson] – Geneva : World Economic Forum, 2016 – 382 с.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет : Юбилейный статистический ежегодник / Государственный комитет СССР по статистике. – Москва : Финансы и статистика, 1987. – 766 с.

3. **Млечко, Е. Н.** Воспроизводство гендерных моделей в образовательном процессе высшей школы / Е. Н. Млечко // Научные труды кафедры “История, мировая и отечественная культура” БНТУ. – Минск : БНТУ, 2011. – С. 166–172.
4. Словарь гендерных терминов [Текст] / Н. И. Ажгихина [и др.] ; ред. А. А. Денисова ; Региональная общественная организация “Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты”. – Москва : Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
5. Приказ Министерства здравоохранения СССР № 542, Министерства высшего и среднего специального образования СССР № 464 от 26 мая 1976 года “О введении в действие методических указаний по медицинскому отбору лиц, поступающих в высшие учебные заведения” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1976/05/26/n1187333.htm>. – Дата доступа: 05.04.2017
6. Постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 25.07.1978 № 240/П10-3 “Об утверждении Списка производств, профессий и работ с тяжелыми и вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1978/07/25/n1186210.htm>. – Дата доступа: 05.04.2017
7. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). – Фонд 276. Оп. 6. Д. 69. – 195 л.
8. **Ярская-Смирнова, Е. Р.** Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план / Е. Р. Ярская-Смирнова // Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России : [сборник материалов] / [Баллаева Е. А., Воронина О. А., Луныкова Л. Г.]. – Москва : Макс-Пресс, 2008. – С. 125–137.
9. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. Оп. 20. Д. 673. – 238 л.
10. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. Оп. 20. Д. 218. – 16 л.
11. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. Оп. 20. Д. 509. – 135 л.
12. ЦГАОО Украины. – Ф. 7. Оп. 20. Д. 506. – 54 л.

Поступила в редакцию 06.05.2017 г.

Контакты: olga_vorovka@ukr.net (Воровка Маргарита Ивановна)

Vorovka M. THE IMPACT OF STUDENT GENDER ASYMMETRY ON GENDER CULTURE FORMATION IN THE LATE SOVIET PERIOD.

The gender composition of the students directly reflects the gender asymmetry of the labour market and indirectly mirrors traditional cultural stereotypes about “female” and “male” professions, occupations, vocations, opportunities and peculiarities. In the late Soviet era these directions were interpreted through the notions of gender equality existing in the USSR and specified by the peculiarities of the state policy on the women’s issue.

Contrary to the declared equality in the Soviet higher school there were discriminatory practices which restricted educational and professional opportunities of women and reproduced horizontal gender asymmetry.

Keywords: gender composition, gender asymmetry, gender stereotypes, late Soviet period, student youth.